

Садокова Анастасия Рюриковна

ЯПОНСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ "ПОВЕСТЬ О СТАРИКЕ ТАКЭТОРИ": К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИИ И АДАПТАЦИИ

В статье исследуется история становления в раннесредневековой японской литературе жанра повествовательной прозы цукури-моногатари. На примере самого раннего произведения этого жанра анализируется процесс заимствования сюжета из тибетской письменной традиции и принципы всесторонней адаптации заимствованного текста. На конкретных примерах показано, как и какими способами было достигнуто полное придание национального колорита заимствованному сюжету, выявлены истоки происхождения имени главного героя в памятнике древней японской поэзии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-3/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 3. С. 35-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Фролова Т. И.** Социальная журналистика и ее роль в общественном диалоге. М.: Пульс, 2003. 44 с.
4. **Đảng cộng sản Việt Nam:** Văn kiện Hội nghị lần thứ 5 ban chấp hành trung ương khóa VIII – Nxb chính trị quốc gia Hà Nội, 1998. (Компартия Вьетнама: документы пятого конгресса Центрального Комитета 8-го срока. Ханой: Государственное политическое издательство, 1998. 115 с.)
5. **Giang Thành Long, Dương Kim Hồng.** Các vấn đề xã hội trong quá trình chuyển đổi và hội nhập kinh tế ở Việt Nam, tập 1. 2007. 167 trang. (Жанг Тхань Лонг, Зыонг Ким Хонг. Социальные проблемы во время экономической интеграции Вьетнама. Ханой: Изд-во Форума развития Вьетнама, 2007. Т. 1. 167 с.)
6. **Hà Minh Đức.** Cơ sở lí luận báo chí. Đặc tính chung và phong cách. Nxb đại học quốc gia Hà Nội, 2000. 282 trang. (Ха Минь Дык. Введение во вьетнамскую журналистику. Ханой, 2013. 282 с.)
7. **Luật báo chí Việt Nam bổ sung và sửa đổi.** Hà Nội, Nhà xuất bản chính trị quốc gia, 1999. 18 trang. (Исправленный и дополненный закон о журналистике Вьетнама. Ханой: Государственное политическое издательство, 1999. 18 с.)

SOCIAL RESPONSIBILITY OF VIETNAMESE JOURNALISM

Nguyen Van Thieu

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
nguyenthieu1990@gmail.com

Nowadays there is an active process of transition to a market economy in Vietnam. At the same time the socio-economic reform occurs, which is called “renovation period”. The system of the mass media of the Republic plays an important role in these transformations. The government sets serious tasks in front of reporters, the implementation of which requires a lot of responsibility from every publication and every media worker. The Communist party has identified the main areas of this responsibility, depending on specific features of Vietnamese journalism.

Key words and phrases: mass media; journalism; society; responsibility; ideology; culture.

УДК 821.521

В статье исследуется история становления в раннесредневековой японской литературе жанра повествовательной прозы цукуру-моногатари. На примере самого раннего произведения этого жанра анализируется процесс заимствования сюжета из тибетской письменной традиции и принципы всесторонней адаптации заимствованного текста. На конкретных примерах показано, как и какими способами было достигнуто полное придание национального колорита заимствованному сюжету, выявлены истоки происхождения имени главного героя в памятнике древней японской поэзии.

Ключевые слова и фразы: японская средневековая проза; сказочный сюжет; адаптация реалий и имен; национальный колорит; вставные новеллы; тибетская литературная традиция.

Садокова Анастасия Рюриковна, д. филол. н., профессор
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
sadokova@list.ru

ЯПОНСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ «ПОВЕСТЬ О СТАРИКЕ ТАКЭТОРИ»: К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИИ И АДАПТАЦИИ

В истории японской литературы IX–XII века занимают особое место. Это так называемый период Хэйан, который спустя столетия назовут «золотым веком» японской литературы. «Мир и спокойствие» – так дословно переводится название этого периода. Это действительно был весьма благополучный период японской истории, но это не означает, что внутри страны, в кругах аристократии, не шла длительная и изнурительная борьба за власть.

Культура эпохи Хэйан – это культура аристократического сословия. Ведя изысканный, утонченный образ жизни в столице, предаваясь любви и дворцовым интригам, коротая время на прогулках и на бесконечных придворных празднествах, хэйанские аристократы покидали столицу лишь в случае крайней необходимости. Отъезд в провинцию был равносильен изгнанию и даже ссылке. Блестящие образцы литературы того времени были созданы представителями аристократии. Их первыми читателями был двор, а авторы – особы как высокого ранга, так и не очень, но всегда приближенные ко двору. Неудивительно, что вкусам и потребностям этой среды как нельзя более соответствовала рафинированная китайская культура эпохи Шести династий (IV–VI вв.) и периода правления династии Тан (618–907), которая бурным потоком хлынула в Японию. Кумиром японских придворных аристократов был поэт Бо Цзюйи (772–846).

Однако именно в период Хэйан стала развиваться японская национальная литературная традиция. Небывалому взлету культуры и литературы в значительной мере способствовало появление в IX в. японской национальной письменности. Начался новый этап развития собственно японской литературы – литературы на японском языке. Культура и литература того времени были чрезвычайно динамичны. И за первые 100–150 лет японской письменности в стране были созданы сотни произведений на японском языке. Был создан и целый ряд литературных прозаических жанров, среди которых важное место занимал жанр *моногатари* – повествование,

рассказ о чем-либо. В эпоху Хэйан сложилось несколько его разновидностей, однако первым прозаическим жанром можно считать жанр *цукури-моногатари*.

Сюжеты произведений жанра *цукури-моногатари* (букв. «сделанные, сочиненные повествования») основывались, особенно на первом этапе своего развития, на нереальных событиях с несколько фантастическим оттенком. Действия этих многоэпизодных и запутанных повествований происходили, как правило, «в ином мире», «в далекой стране», «в отдаленной местности». В немалой степени это было связано с тем, что основу этих историй составляли старинные предания, сказания о богах и героях. Это были своего рода литературные небылицы. Именно так их и назовет потом одна из хэйанских поэтесс, автор известного произведения X в. «Дневник эфемерной жизни». Повествуя о себе в третьем лице, придворная дама по имени Митицуна-но хаха оставила в своем «Дневнике» такую характеристику популярных тогда при дворе повествований: «...но когда эта особа с рассветом или при наступлении сумерек начинала читать те старинные повествования, которых так много распространяется в этом мире, то обнаруживала в них всего-навсего многочисленные небылицы» [4, с. 6].

Вместе с тем произведения жанра *цукури-моногатари* были достаточно крупных повествовательных форм с непростой композицией: там встречались вставные эпизоды, что придавало произведению вид обрамленной прозы, или использовался круговой сюжет. Значительное место занимали боковые сюжетные линии, нередко уводящие читателя далеко от основной линии повествования. Все это дает основание говорить, что сюжеты *цукури-моногатари* опирались не столько на японскую фольклорную традицию, сколько широко использовали фольклорные и литературные сюжеты сопредельных народов, прежде всего богатую китайскую литературу.

В свете нашей проблематики особый интерес представляет самое раннее по времени создания и самое большое по объему произведение этого жанра. Речь идет о «Такэтори-моногатари» («Повесть о старике Такэтори»). Эта повесть считается «прародительницей всех *моногатари*». Автор произведения неизвестен, но предполагается, что он относился к интеллигентной, ученой среде, представляющей в Японии китайскую ученость, и не был наследственным аристократом. Время создания «Повести» – предположительно конец IX – начало X в.

Сюжет «Повести» очень напоминает сказочный. Схематично он выглядит так. Старик Такэтори, который собирает в лесу бамбук, однажды находит бамбук со светящимся коленцем. В этом коленце бамбука сидит маленькая девочка. Старик берет ее домой и вместе со старухой они воспитывают девочку как родную дочь. Девочка получает имя Кагуя-химэ (Лучезарная или Блестящая Дева). Она быстро вырастает в настоящую красавицу, а старик начинает каждый день находить в бамбуке золото и становится богачом. И вот наступает момент, когда к Кагуя-химэ начинают свататься женихи. Их пять, и всем им девушка дает заведомо невыполнимые задания. Истории сватовства женихов представляют собой небольшие самостоятельные рассказы, что дает право говорить о наличии в этом произведении вставных эпизодов.

Кроме этих пяти женихов, на Кагуя-химэ обращает внимание и император. Тогда девушка признается старику, что на самом деле она Лунная дева и была за какой-то проступок наказана – сослана на Землю. Девушка рассказывает, что скоро придет время возвращаться на Луну и за ней примчится Лунная колесница. Несмотря на все попытки старика удержать Кагуя-химэ, лунные посланники забирают ее на Луну [6].

На протяжении многих веков сюжет «Повести» считался восходящим к произведениям японского фольклора, хотя влияние китайской традиции не отрицалось. В основном это влияние просматривалось в идее пребывания на Земле одной из Лунных дев, героинь китайских лунарных мифов. Однако китайское влияние не считалось определяющим для общей тональности произведения, ведь при своем небольшом объеме «Повесть» была наполнена всевозможными «японскими реалиями», и потому вопрос о ее исконном происхождении не был актуальным. При этом очевидно, что реалий было много, и они охватывали все упоминаемые в «Повести» сферы жизни. Более того, все реалии были из разряда «узнаваемых», распространенных. Так, например, при небольшом количестве топонимов, упоминались только часто встречавшиеся в японской поэзии и значимые для Японии того времени географические названия, например остров Цукуси (о. Кюсю) или гавань Нанива (Осакский залив).

Особое внимание уделялось именам, должностям и рангам женихов. Все женихи в «Повести» имели реально существовавшие в Японии родовые имена и занимали должности, характерные для того периода японской истории: первым был принц Исицукури, вторым – принц Курамоти, третьим, по имени Абэ-но Мимурадзи, был правый министр-удайдзин, четвертым – дайнагон по имени Отомо-но Миюки, и наконец, пятым – тюнагон по имени Исоноками-но Маро. Здесь следует пояснить, что чин *удайдзин* имели только очень важные особы, потому что это был третий по значимости должностной чин после главного и левого министров в Высшем государственном совете. *Дайнагон* – тоже было высокое придворное звание и должность старшего государственного советника, а *тюнагон* – ранг второго государственного советника в Японии периода Хэйан.

Помимо реальных географических названий и настоящих рангов и должностей, в «Повести» в большом количестве присутствовали разного рода предметы быта, одежды, упоминались прически, также характерные исключительно для Японии. Например, подробно рассказывалось, что юной Кагуя-химэ сделали прическу, какую носят взрослые девушки, то есть зачесали кверху детскую челку, а волосы с затылка спустили на спину. А еще ее облачили в *мо* – специфический предмет парадного женского одевания того времени, своего рода длинный шлейф, который украшали цветным рисунком и двумя ниспадающими лентами. Этот шлейф подвешивался при помощи пояса и был показателем знатного происхождения девушки.

Как и все произведения эпохи Хэйан, «Повесть» содержала большое количество стихотворений. Дело в том, что в то время в японском аристократическом обществе поэзия считалась средством общения, без сложения стихотворений не обходилось ни одно мероприятие, будь то любование цветами и луной или

паломничество в храм. Кроме того, поэзия была средством любовной и дружеской переписки. Образцы поэтического творчества, представленные в «Повести», имеют также четко выраженную национальную окраску. Это примеры так называемых «длинных песен» *нагаута* и пятистиший-*танка*, сложенных по всем метрическим и художественным законам японского стихосложения.

В конце этого произведения неожиданно возникает главный символ Японии, то есть упоминается самая известная гора – гора Фудзи. По сюжету, Кагуя-химэ, покидая Землю, оставляет императору стихотворение-*танка* и сосуд с напитком бессмертия. Однако государь отказывается от бессмертия и поручает одному из знатных людей с «говорящим» именем Цуки-но Ивакаса (букв. «Скала в сиянии луны») отправиться на вершину горы и там открыть чудесный сосуд. Вот как описывается этот эпизод в «Повести»: «Цуки-но Ивакаса в сопровождении множества воинов поднялся на указанную ему гору и там, выполняя волю государя, открыл сосуд и зажег напиток бессмертия. Чудесный напиток вспыхнул ярким пламенем, и оно не угасает до сих пор. Оттого и прозвали эту вершину “Горой бессмертия” – Фудзи» [6, с. 57]. На самом деле гора Фудзи, которая является вулканом, а в прошлом – действующим вулканом, ко времени создания «Повести о старике Такэтори» уже «не дымила», и это означает, что представления о том, что из горы исходит дым, сохранились с более давних времен. По-прежнему остается открытым вопрос о смысле названия этой горы. Объяснение, представленное в «Повести», может считаться одним из многих, но не окончательным.

И конечно, особый национальный колорит «Повести» придает имя самого старика Такэтори, которое состоит из двух компонентов – «бамбук» и «собирать», то есть имя старика представляет собой слово, обозначающее вид его деятельности: известно, что он собирал в лесу бамбук, потому и нашел там Кагуя-химэ. Но обратим внимание на начало «Повести»: «Не в наши дни, а давно-давно жил старик Такэтори. Бродил он по горам и долинам, рубил бамбук и мастерил из него разные изделия па продажу. Потому и прозвали его Такэтори – “тот, кто добывает бамбук”. А настоящее имя его было Сануки-но Мияцукомаро» [6, с. 21]. Как видно, у старика Такэтори было еще и «настоящее» имя, и потому имя «Такэтори» должно рассматриваться скорее как прозвище. При этом четко видно, что имена героя взяты как бы из разных социальных антропонимических групп: Такэтори – это «низкое» имя, в то время как Сануки-но Мияцукомаро – не просто полное имя, но и имя очень знатного человека. В своем комментарии переводчик «Повести» на русский язык В. Н. Маркова отмечала, что рядом с таким простым именем настоящее имя старика выглядит комично [5, с. 470]. Оно действительно комично своей напыщенностью и полным несоответствием социальному статусу героя в момент знакомства с ним. Однако потом он становится богатым человеком и к нему в дом приходят самые знатные вельможи.

Думается, что показать комизм имени не было целью неизвестного автора «Повести». А истоки появления двух имен следует искать в более ранней японской литературной традиции. Дело в том, что имя старика Такэтори в японской литературе впервые упоминается совсем не в этом памятнике. Еще в VIII в. в Японии была создана крупная поэтическая антология «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»), в которую было включено более 4500 разных по жанрам и тематике стихотворений-песен [2]. Часть этих песен была связана с древними преданиями. Под № 3791 в этой антологии была помещена «длинная песня»-*нагаута*, которая предварялась пространным для этого памятника пояснением: «В древности жил один старик. Его прозвали старик Такэтори – “Старик, собирающий бамбук”» [3, с. 67].

Далее в пояснении к песне об этом старике рассказывается история, которая никак не связана с поздним сюжетом «Повести о старике Такэтори». Повествуется о том, как однажды старик увидел у подножья холма девять юных дев, которые сначала звали его разделить с ними трапезу, а потом стали смеяться над его старостью. В ответ на эти насмешки старик и сложил песню-*нагаута*, в которой рассказал историю своей жизни – историю жизни очень богатого человека из знатного рода. В песне подробно перечисляются все «показатели» богатства того времени – шелковые и парчовые одежды, заморские ткани, носки с узором, корейский шнур из парчи и прочее. Песня заканчивается наставлением старика: он говорит о том, что век человека краток, незаметно приходит старость, и потому над ней смеяться нельзя, ведь скоро сам окажешься стариком. Песня наполнена глубоким философским смыслом. Девушкам становится стыдно за свой поступок, и каждая из них складывает, обращаясь к старику, песню-извинение в форме пятистишия-*танка* (№ 3794-3802).

Как видно, задолго до появления «Повести о старике Такэтори» японская литература уже была знакома с этим именем, взятым, вероятно, из народных сказок или из произведений других жанров японского фольклора. При этом человек, носивший это имя в антологии «Манъёсю», был знатного происхождения, что всячески подчеркивалось. Однако разрыв между именем и социальным статусом героя не был предметом обсуждения, а воспринимался как само собой разумеющееся. В «Повести» простое имя и высокий статус героя вновь причудливо соединились, но при этом знатное имя старика было названо. Думается, что неизвестный автор преследовал определенную цель: показать преемственность «Повести», ее связь с древней антологией, то есть доказать, что «Повесть» и ее герой – старик Такэтори являются не только истинно национальным наследием, но и восходят к давней традиции. Как отмечала А. Е. Глускина, «все эти предания представляют ценный материал для изучения истории японской литературы и для знакомства со старой культурой Японии. Тот факт, что они являются источником заимствования для классических произведений японской литературы, свидетельствует о глубокой связи классической литературы с фольклором» [1, с. 185].

Столь большое количество «японских» реалий, их не нарочитость, а скорее избыточность были призваны придать «Повести» особую, не вызывающую сомнения, национальную окраску, о которой никто не задумывался до середины XX в.

В 1954 г. китайские фольклористы обнаружили в провинции Сычуань (Автономный округ Тибет) текст «Девушка из пятнистого бамбука», который датировался более ранним временем, чем «Повесть о старике

Такэтори». В 1971 г. тибетский вариант, который был чрезвычайно схож с японской «Повестью», хотя и имел ряд сюжетных различий, был переведен на японский язык. Вторичность японского текста была несомненна.

После изучения тибетского варианта стало ясно, почему так много чисто японских реалий было помещено в текст «Повести»: происходил не только процесс заимствования, но и процесс сильной адаптации инокультурного текста, утверждения национальной литературной традиции в период, когда собственно японская проза еще только начинала формироваться. Со временем выяснилось также, что этот сюжет известен по буддийским сутрам и историческим сочинениям стран Юго-Восточной Азии. Однако это ничуть не уменьшало значения «Повести о старике Такэтори» для процесса становления японской литературы, а лишь доказывало, что уже в IX-X вв. Япония была интенсивно вовлечена в региональные литературные процессы, имела прочные культурные и литературные контакты со всеми странами региона. Кроме того, проявляла способность к глубокой адаптации инокультурных явлений.

Список литературы

1. Глушкина А. Е. Заметки о японской литературе и театре (древность и Средневековье). М.: Наука, 1979. 295 с.
2. Манъёсю (Собрание мириад листьев): в 3-х т. / пер. с яп., предисл., коммент. А. Е. Глушкиной. М.: Наука, 1971-1972.
3. Манъёсю (Собрание мириад листьев): в 3-х т. / пер. с яп., предисл., коммент. А. Е. Глушкиной. М.: Наука, 1972. Т. 3. 455 с.
4. Митицуна-но хаха. Дневник эфемерной жизни (Кагэро никки) / предисл., пер. с японского, коммент. В. Н. Горегляда. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. 352 с.
5. Повесть о прекрасной Отикубо: старинные японские повести / пер. со старояп., вступ. статья, коммент. В. Марковой и И. Львовой. М.: Худож. литература, 1988. 494 с.
6. Повесть о старике Такэтори / пер. со старояп. В. Марковой // Повесть о прекрасной Отикубо: старинные японские повести / пер. со старояп., вступ. статья, коммент. В. Марковой и И. Львовой. М.: Худож. лит., 1988. С. 21-57.

THE JAPANESE MEDIEVAL "TALE OF THE BAMBOO CUTTER": ON THE ISSUE OF BORROWING AND ADAPTATION

Sadokova Anastasiya Ryurikovna, Doctor in Philology, Professor
Lomonosov Moscow State University
sadokova@list.ru

The article investigates the history of the formation of the genre of narrative prose Tsukuri-Monogatari in the early medieval Japanese literature. By the example of the earliest works of this genre the paper analyzes the process of borrowing plots from the Tibetan literary tradition and the principles of a comprehensive adaptation of the borrowed text. By particular examples the author shows in what ways giving of a full national colour to the borrowed plot was implemented, the sources of the origin of the protagonist's name in the monument of the ancient Japanese poetry were revealed.

Key words and phrases: the medieval Japanese prose; fairy plot; adaptation of realities and names; national colour; insert novels; the Tibetan literary tradition.

УДК 81

В статье раннее творчество Н. В. Гоголя рассматривается в русле западноевропейского историко-философского движения, раскрывается влияние на него трудов немецкой классической философии, определивших интерес писателя к проблемам всеобщей истории и своеобразие его творческих исканий; одновременно определяется роль в становлении художественного метода Гоголя традиций украинского фольклоризма.

Ключевые слова и фразы: философия истории; фольклор; национальные традиции; историзм; учение; действительность; поступательное движение; идея; Н. В. Гоголь; И.-Г. Гердер.

Соколова Валентина Федоровна, д. филол. н., профессор
Нижегородский государственный инженерно-экономический университет
itoid@yandex.ru

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО ГОГОЛЯ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

Попытки рассматривать творчество Н. В. Гоголя в общеевропейском контексте наметились еще при жизни писателя. Об этом писали А. С. Пушкин [15, с. 27], Н. А. Полевой [14], П. Кулиш [12, с. 237] и многие другие. Эта проблема продолжает волновать и современных исследователей творчества великого писателя. Достаточно вспомнить многочисленные статьи о творчестве Гоголя Е. Дмитриевой, ее докторскую диссертацию и монографию «Н. В. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами» [11]. Влияние на писателя европейских историко-философских теорий особенно явно проявляется в его ранних произведениях, и прежде всего в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».